

Институт русской литературы
Лихачеву Дмитрию Сергеевичу

Уважаемый Дмитрий Сергеевич! Вот уже много лет я работаю над серией исторических гравюр, часть которых посвящена деяниям Александра Невского и Дмитрия Донского. Поиски литературного исторического материала привели меня сначала в отдел древних рукописей Государственного исторического музея, затем Библиотеки имени В. И. Ленина, Государственной публичной библиотеки, Пушкинского дома, Библиотеки АН СССР. И я надолго отложил свою основную работу. Древние рукописи, пронесшие через столетия жизнь наших предков, прекрасные каждым своим листом, хранящим мастерство писца и талант древнего писателя, захватили мое воображение, пленили время и мысли.

Героико-патриотическое прошлое нашего народа, нашедшее выражение в памятниках литературы XIII—XV веков, являет собой замечательный пример средневековой русской литературы, ее патриотизма и публицистичности. Ратные подвиги наших далеких предков, поднявших меч против врагов отчизны, рождают у потомков законное чувство восхищения и гордости. Захотелось познакомить других хотя бы с какой-то частью рукописных текстов, объединенных темой борьбы русского народа против иноземных завоевателей. Так появилась книга «Кто с мечом», которую готовит к печати издательство «Молодая гвардия».

Дмитрий Сергеевич! Я знаю, что Вам принадлежат крупные работы по древнерусской культуре и искусству, что «Слово о погибели Русской земли» и «Житие Александра Невского» были предметом серьезного Вашего исследования, и был бы безмерно признателен, ежели бы Вы высказали свои соображения по поводу задуманной мною книги.

С почтением художник
Алексей Шмаринов

Многоуважаемый Алексей Дементьевич! Мне нравится Ваша идея дать иллюстрации к древнерусским произведениям на воинские темы в сочетании со снимками с рукописей этих произведений.

Прежде всего о воинской теме в древнерусской литературе. Она очень для нее характерна и важна, а для русской истории значительна.

Русь не имела сильных и естественных рубежей. Страна была открыта для нашествий с юга, юго-востока и северо-запада.

Степи — идеальные, бескрайние дороги для перехода больших масс конного войска кочевников. Здесь и подножный корм для коней, и возможность легко маневрировать. Трудно предугадать — как будет двигаться степное войско. Война для степных народов была частью их кочевой жизни, их обычным делом. Передвижения с юга на север, от зимних кочевий к тучным северным пастбищам, совершались каждую весну и лето, могли совершаться и осенью, когда выжженное на юге «дикое поле» не в силах было прокормить лошадей и скот. Периодические передвижения на север — войной или миром — были так же естественны и регулярны, как приливы моря.

С запада угрожали немецкие рыцари. Их войны против прибалтийских народов и Руси маскировались «идейными» поводами, но, по существу, были также захватническими. Рыцарские ордена существовали для распространения католицизма среди язычников и «схизматиков», к которым причислялись и русские. Война была для них «священной обязанностью» — службой Ордену.

Для шведов продвижение на юг, захват южных торговых путей был многовековым историческим направлением всей их политики. Здесь на юге лежали их интересы.

Но для Руси оборонительная война не была целью — это была горькая необходимость. Необходимость эта рождала героизм и подвиг, создавала высокий патриотизм и военное подвижничество. Вот почему на Руси воины, защитники отечества, признавались в народной памяти святыми и становились героями литературных повествований.

Под натиском многочисленных степных народов, немецких рыцарей и шведов Русь вынуждена была непрерывно обороняться, готовить страну к обороне и отражать эту заботу в своей литературе.

В пору феодальной раздробленности и татаро-монгольского ига, когда ослабли экономические и политические связи между отдельными областями и княжествами, сознание своей исторической общности, память о былом могуществе Руси, общность традиций и общность литературы приобретали особенное значение. Военная тема в русской литературе напоминала об этом единстве, воспитывала патриотизм, веру в грядущее освобождение от иноземного ига.

Вот почему так важно было написать о былом величии Русской земли («Слово о погибели Русской земли»), о необходимости твердо оборонять ее не только на южных и восточных границах, но и на северо-западных — против рыцарей («Житие Александра Невского»), восславить первую великую победу соединенных сил русских княжеств на Куликовом поле над вековыми угнетателями («Сказание о Мамаевом побоище»).

И второе, на что мне хотелось бы обратить Ваше внимание: литература и живопись в древней Руси были тесно между собой связаны. С одной стороны, живописные произведения почти всегда писались на темы литературных произведений: будь то темы Ветхого и Нового заветов, жития святых или темы повестей, проповедей, песнопений. Живопись древней Руси была интенсивно сюжетной. А с другой стороны, произведения литературы были очень изобразительны. Но изобразительны не в нашем, реалистическом смысле, а по средневековому, по-древнерусски. В каждом литературном произведении мы можем найти зрительно отчетливые ситуации, напоминающие собой геральдические знаки, символы. Литературные изображения в древней Руси удивительно лаконичны и обобщенно точны. Житие как бы распадается на ряд иконных клейм, сюжетных положений, застывших в своей выразительной законченности. Это не изображение действий, а как бы эмблемы, знаки, развернутые знамена победного шествия литературного повествования, превращающие его в смотр и парад событий.

Изображения были памятью о событиях и памятниками событиям, а поэтому поразительно лаконичны и монументальны.

Это щиты со знаками событий. Это символы тем, сюжетов, людей. Они такие, какими вошли в сознание людей, какими вспоминались при одном их напоминании. Это повествовательные сюжеты, которые ковались молотком на века. В них нет акварельных красок. Все прочно, жестко, неизменяемо. Каждое слово значительно. Кажется, что оно может резать, рубить, ковать. И вместе с тем в этих повествованиях есть грусть и лиризм. Лиризм немногословный иступающий в повествовании как бы помимо воли автора. Он есть и в рассказах о победах, ибо автор не забывает и об утратах — особенно в «Сказании о Мамаевом побоище».

Представленные в Вашей книге памятники древнерусской литературы — «Слово о погибели Русской земли», «Житие Александра Невского» и «Сказание о Мамаевом побоище» — это произведения, проникнутые жгучим чувством любви к родине, они принадлежат высокой литературной культуре. Они лаконичны и вместе с тем украшены, прозаичны и одновременно ритмичны, посвящены эпическим темам, но подходят к ним с сильным лирическим чувством. Они исполнены гордости за русский народ, но не боятся смотреть правде в глаза и мужественно признавать всю тяжесть положения русского государства.

Я посмотрел часть Ваших эскизов к будущим иллюстрациям. По-моему, эту черту древнерусской литературы Вы сумели уловить. Если Ваши иллюстрации и не похожи на произведения древнерусской живописи (да и не надо, чтобы они были похожи, ибо мы с Вами живем в другую эпоху), то зато они воспроизводят наиболее характерную черту древнерусской литературы: ее лаконизм и «геральдичность».

Вот «Слово о погибели Русской земли». В нем дан почти что герб Руси. Упомянуто главное: природа Руси, ее города, села, сады. Даны

границы Руси и указана ее грозная слава среди других народов, а в конце — история, но только в именах трех наиболее славных ее князей.

В «Житии Александра Невского» также лаконично изображен он сам в расцвете сил и славы. И выбиты молотом кузнеца его деяния. Вот, например, рассказ о Невской битве: приход врага, выступление в поход Александра, помощь ижорца Пелгусия, видение Бориса и Глеба на челне среди моря в лучах восходящего солнца, шесть подвигов в битве шести мужей Александра. Один въехал по сходням на коне на шведский корабль, другой бился с топором в руке, третий с мечом напал на многих врагов, четвертый пешим с дружиной потопил три корабля, пятый подрубил столб златоверхого шатра и ободрил тем дружинников Александра, шестой бился один в окружении многих врагов и умер от ран. Все шесть разные. Никто не повторил подвига другого. Все шесть — как шесть знаков победы.

С тою же краткой характерностью даны и все другие «клейма» жития.

«Сказание о Мамаевом побоище» принадлежит другому времени — более многословному и более эмоциональному. В «Сказании» много речей действующих лиц, больше рассуждений, эмоциональных откликов, художественных преувеличений и описаний переживаний действующих лиц. Но это произведение не менее картинно. Оно также делится на сцены, в которых действие запечатлено, как на клеймах иконы. В нем даже больше красок: на поле битвы выступают кровавые озера, блестят мечи, трепещут, как яркие молнии, в руках воинов-богатырей. В изображении гораздо больше движения и экзальтации. Монументальность первого периода сменилась экспрессией и динамичностью.

Нелегко понять эту строгую красоту древнерусских воинских повестей.

И пусть посмотрят читатели рукописи. Письменное слово в древней Руси было неотделимо от его начертаний в рукописи. Каждая буква в слове прочерчивалась и запечатлевалась на века. Рукописи были драгоценны. Они береглись. Их писали для грядущих столетий, для медленного и любовного чтения.

Произведение литературы было синтезом многих искусств.

Вот то немногое, что я Вам хотел написать в напутствие.

Ваш Д. Лихачев

